

М. А. Родионов

ОВЦЫ И ДИКИЕ ПЧЕЛЫ В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ХАДРАМАУТА

Формула «пасти своих овец»

Тридцать лет назад старейшина (мансаб) саййидского рода ал-Атгас из города Хурайда Али б. Ахмад (1903–1988) познакомил меня со своей рукописью «Дуновение измельченного мускуса из сообщений Вади Хадрамаут». В ней есть известия о городище Райбун в низовьях Вади Дауан, где с 1983 г. ведут раскопки российские археологи. Этот пассаж переведен и опубликован в «Этнографии Западного Хадрамаута» [Родионов 1994: 45] и с тех пор неоднократно цитировался (см., напр.: [Французов 2012: 9–12]). Он дает наглядное представление о том, как работает культурная память и какие сведения можно извлечь из текста, созданного на ее основе.

Вот он: «Из деяний хадрамейцев — Райбун. Это остатки башен, построенных из скальных камней. Говорят, что царь его, то есть этой земли, лишил девства тысячу дев и покорил тысячу городов, или Аллах знает сколько, а он (Райбун. — *М.Р.*) — к западу от ал-Машхада. Говорят про их женщин, что они утром отправлялись пасти своих овец на вершины Вади Хаджар и возвращались в тот же день, и это свидетельство основывалось на том, что говорил Абу Хамза ал-Йамани. Он говорил, что рост каждого из их мужчин 70 локтей, а Ибн Аббас говорил: 80 локтей, а ал-Калби говорил, что их рост был 100 локтей, а у самого короткого из них — 60 локтей. Вахб говорил: голова каждого из них была подобна большой куббе».

Несколько пояснений:

ал-Машхад, или Машхад Али, — мемориальный комплекс близ Райбуна, сооруженный в честь божьего угодника (вали) Али б. Хасана б. Абдаллаха б. Хусайна ал-Атгаса (1122–1172/1710–1758), к его мавзолею (куббе) устраивается ежегодное паломничество [Rodionov 2004: 307–312];

Вади Хаджар — плодородная долина, расположенная на сотню километров с лишним к югу от Райбуна;

Абу Хамза ал-Йамани — возможно, ал-Мухтар б. Ауф ал-Азди, известный как Абу Хамза, участник многих ибадитских походов VIII в., включая и хадрамаутский, известен своими проповедями;

Ибн Аббас — Абдаллах, двоюродный брат Пророка, передатчик хадисов (ум. 686 г.);

ал-Калби — Хишам (738–819 или 821), знаток доисламских древностей, автор «Книги идолов» [ал-Калби 1984], или его отец — Мухаммад б. ас-Саиб (ум. 763 г.);

Вахб — ибн Мунаббих (656–728 или 732), знаток хадисов;

кубба — купольная постройка над могилой почитаемого лица.

Хадрамиты верили, что древнее население их края, адиты, отличались высоким ростом, по приведенным в цитате данным — от 24 до 40 метров — и огромными головами величиной с конический свод куббы. Но нас интересует не доблесть их легендарного царя, а способности адитских женщин ежедневно вместе со своим мелким рогатым скотом преодолевать огромные расстояния. От Райбуна до плоскогорья, граничащего с Вади Хаджар, более ста сорока километров по прямой, значит, в оба конца получается все триста. Даже если учесть, что речь идет о женах и дочерях великанов, не слишком ли много за один день? Иными словами, нас интересует, не содержит ли эта легендарная гипербола какую-то социальную информацию.

Прежде чем попытаться ответить на вопрос, обратимся к двум свидетельствам, подчерпнутым из хадрамитской поэзии на разговорном языке, обычно называемой хумайни.

Поэт Бу Бешр (1905–1989) из племени нахд прочитал нам стихи поэта Ганима ал-Хакими, предварив их следующими словами: «У Ганима ал-Хакими не было предка, и не было у него связи ни с нахд, ни с ал касир, ни с йафи', и не было у него ничего ни с одним племенем — ни с ал-мурра, что из ал-джа'да, ни с сайбан. Был он сам себе племя, обосновавшееся в долине Мих. Спросили его “ты откуда?” на замиле. И он сказал: “Я — ал-Хакими, сын Саба', сын Сима, // и мы приходим от Нуха, сына Шалиха, // мы добываем пропитание только сирийскими плодами (= оружием. — М.Р.), // уходим утром и возвращаемся вечером”» [Родионов 1994: 167, 190].

В племенном обществе, где на гордости своим родословием строится идентификация человека, поэт Ганим ал-Хакими выводит свою генеалогию от пращура сабейцев и семитов, утверждая, что его праотец — сам допотопный Ной (Нух). Это происходит на состязании племенных поэтов (замил), продуктом которого являются короткие злободневные речевки, носящие то же название.

Обратим внимание на выражение «уходим утром и возвращаемся вечером» (*sāriḥ wa ḏāwī*). Такие парные формулы специалист по индоевропейской поэтике Калверт Уоткинс называет «меризм»: «Биномная функция, состоящая из компонентов, находящихся между собой в союзной связи» [Уоткинс 1988: 467]. Они широко применяются в обычном праве Южной Аравии. Выдающийся краевед Абд ал-Кадир ас-Саббан (1920–1999), автор обстоятельной книги по этнографии Вади Хадрамаут [al-Sabban 1980], объяснял, что *sāriḥ wa ḏāwī* означает право племен контролировать передвижение членов

неполноправных социальных страт и, следовательно, может быть истолковано как особая социальная категория: те, кто имеет право выхода и входа.

Учитывая предыдущий стих о сородичах Ганима ал-Хаками, добывающих пропитание «только сирийскими плодами», уместно предположить, что поэт намекал на их независимость от произвола племен на всем протяжении их дневных путешествий, простирающихся очень далеко, может быть, до самой Сирии.

Теперь мы уже близки к ответу, но сначала — следующий рассказ Бу Бешра: «Один [человек] из племени ал-Амуди был угнетателем и угнетал людей. Он сказал: “Попробуем послать стихи ал-Мункису, убедимся, есть ли у него фаль”. И он послал одного [из своих людей] к дому ал-Мункиса со словами:

“О черная пчела, обосновавшаяся на Холме Молний, // ты пасешь (свой скот) на землях людей насильно. // Они не получали плату, а он не тот, кто делится; // обосновавшийся прочно, выше их (на горе) защищенной”.

Ал-Мункис понял [на что намекают] эти стихи и сказал: “Зеленая птица будет преследовать его некоторое время, // а муравьи и насекомые-пчелоеды будут преследовать его постоянно, // несомненно, улей опустеет, // угнетение и нарушение запретов не длятся [вечно]”» [Родионов 1994; 169, 191; 2012: 235].

Комментарии к тексту:

ал-Амуди не просто одно из племен Хадрамаута, а машайих — потомки уважаемого шейха, ученого-богослова. На протяжении нескольких веков ал-Амуди стремились поставить под свой контроль Западный Хадрамаут, и сегодня они сохраняют большое влияние в Вади Дауан и Вади Амд;

ал-Мункис — поэт из племени бин аджран, живший в деревне Хурайхар, недалеко от Райбуна и обладавший «отрицательным фалем»: способностью предсказывать несчастья, отсюда его прозвище — Ущербляющий;

испытание поэта ал-Мункиса заключается в том, что он должен предсказать, прочна ли власть угнетателя, который, как большинство тиранов, говорит не от первого лица, а обращается к себе как бы со стороны, называя себя защитным псевдонимом — Черная Пчела (al-nūb al-zinjī);

Холм молний (Ḥaud al-Baraq) — обозначение неприступного холма, удобного для строительства замка.

Выделим строки: «Ты пасешь (свой скот) на землях людей насильно. Они не получали плату, а он не тот, кто делится». Угнетатель кичится: его власть такова, что его женщины пасут скот на чужих землях, и никакой платы законные владельцы пастбищ потребовать за это не в силах.

Снова прочтем фразу из рукописи «Дуновение измельченного мускуса»: «Говорят про их женщин, что они утром отправлялись пасти своих овец на вершины Вади Хаджар и возвращались в тот же день». Теперь за гиперболой стоит сообщение о том, что авторитет повелителя адитов давал жителям Райбуна право sāriḥ wa fāwī — выхода утром и возвращения вечером, не зависящего от соседних племен, а власть его простиралась на юг по крайней мере до плоскогорья Вади Хаджар. Правда, мы и сейчас не знаем, как царь-исполин овладел тысячью дев и тысячью городов, но об этом, как заметил летописец, знает один Аллах.

Дикие пчелы: культурные параллели

От «Черной пчелы» перейдем к диким пчелам, которых выслеживали бедуинские охотники за медом. Охотник за диким медом обладал феноменальным зрением и выносливостью. Он метил дикую пчелу белой нитью и шел за ней по пятам вплоть до ее «дома» в расселине скалы, откуда извлекал мед, окутив пчел-защитниц дымом от тлеющего тряпья. Племенные стихотворцы Аравии любят повторять, закуривая новую сигарету от прежней, что поэзия как мед: для ее добычи тоже нужен дым. Рассказов о диких пчелах сохранилось в Хадрамауте немало, но сама практика такой «охоты» в наши дни почти пресеклась. Вместо поисков дикого меда бедуины активно промышляют разведением домашних пчел, размещая их улья в период цветения медоносных растений на заранее присмотренных местах, за которые идет борьба.

В прошлом выпуске «Бестиария» уже шла речь о прослеживающейся в южноаравийской поэзии оппозиции мед/горечь = жизнь/смерть, одной из самых архаичных в мифопоэтическом наследии Евразии, и ее перекличке с «медом поэзии» из скандинавских мифов [Родионов 2012: 236–238]. Там же (рис. 4) упоминался труп козы, привязанный к дереву рядом с ульями близ деревни ад-Дуфа в Вади Дауан. Этот обычай местные информанты объясняли весьма противоречиво: либо труп отпугивает птиц-пчелоедов, либо этот труп «с целой шкурой и гнивающим мясом <...> привлекает пчел и не дает возможности улетать слишком далеко от ульев» [Там же: 237].

С помощью «Мифологик» К. Леви-Строса [Леви-Строс 2000: 16, прим.], удалось связать загадочный обычай с греко-египетскими представлениями о самозарождении пчел из бычьих утроб, сохраненный для нас римским поэтом Вергилием. Но за пределами статьи осталась наиболее известная параллель, уверенно вводящая нас в библейско-аравийский мир¹. Имеется в виду история, произошедшая с Самсоном, последним из двенадцати великих судей Израиля, когда он шел вместе с отцом своим и матерью своей к филистимлянам свататься. «И когда подходили к виноградникам Фимнавским (арабск. Тимна. — М.Р.), вот молодой лев, рыкая идет навстречу ему. И сошел на него Дух Господень, и он растерзал льва, как козленка, а на руке у него ничего не было <...> Спустя несколько дней опять пошел он, чтобы взять ее, и зашел посмотреть труп льва, и вот рой пчел в трупе львином и мед <...> И сказал Самсон им (тридцати брачным дружкам-филистимлянам. — М.Р.): загадаю я вам загадку <...> И сказал им: из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое. И не могли отгадать загадки в три дня» (Книга Судей, гл. 14).

Далее события развивались по фольклорным законам. Предвосхищая Далилу, новобрачная-филистимлянка выманила у Самсона отгадку и сообщила ее дружкам. Самсон разгневался и начал войну против филистимлян. С помощью трехсот связанных лисиц, к которым привязал сто пятьдесят факелов, он сжег их посевы, а потом побил несметное число их ослиной челюстью (Книга Судей, гл. 15). Тут тоже фигурируют животные, живые и мертвые, но для нас, понятно, важен мертвый лев, в теле которого возникли (поселились или самозародились) пчелы, давшие мед.

¹ Я благодарен Я.В. Василькову за упоминание этого сюжета.

Итак, для параллели с мертвой южноаравийской козой у нас есть акадийская (греческая) утроба тельца (с египетским прецедентом) и филистимлянский (палестинский) труп молодого льва. Напомним, что всех трех животных объединяет молодость, а слово «козленок» возникает в библейском тексте применительно к льву как сравнение. Может быть, мы не вполне разрешили загадку Самсона, но, кажется, сделали еще один шаг на пути ее решения.

Библиография

ал-Калби Хишам ибн Мухаммад. Книга об идолах (Китаб ал-аснам) / Пер. с араб., предис. и примеч. В.В. Полосина. М.: Наука, 1984. (Памятники письменности Востока. Т. LXVIII).

Книга Судей Израилевых // Библия, или Книги Священного Писания Ветхаго и Новаго Завета в русском переводе с параллельными местами. Изд. первое. СПб.: Синодальная типография, 1889. С. 279–308.

Леви-Строс К. Мифологии. От меда к пеплу. М.; СПб.: Университетская книга. 2000. Т. 2. (Серия «Книга света»).

Родионов М. Этнография Западного Хадрамаута. Общее и особенное в этнической культуре. М.: Восточная лит-ра, 1994.

Родионов М. Пчелы Хадрамаута, или Вергилий в Южной Аравии // Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 232–240.

Уоткинс К. Аспекты индоевропейской поэтики / Пер. с англ. Е.И. Ветровой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI (Новое в современной индоевропеистике) / Сост., вступит. ст. и общ. ред. Вяч.Вс. Иванова. М.: Прогресс, 1988. С. 451–473.

Французов С.А. К востоку от Адена. Оазис Райбун в I тысячелетии до н.э. (эпиграфические памятники, религиозная жизнь и социальное устройство культового центра древнего Хадрамаута). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: филфак СПбГУ; Нестор-История. 2012. (Сер. «Азиатика»).

Rodionov M. Mashhad ‘Ali revisited: documents from Hadramawt // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 2004. Vol. 34. P. 307–312.

Ṣabbān ‘Abd al-Qādir Muḥammad. ‘Ādāt wa-taqālīd bi-l-Aḥqāf. Al-Mukallā [1400/1980].